
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА РЕЦЕНЗИИ

Наталья Квасникова
(г. Москва)

ИТОГИ ВСЕРОССИЙСКОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ДИСКУССИИ «БУМАЖНАЯ» И «КОМПЬЮТЕРНАЯ» ЛИТЕРАТУРА В СВЕТЕ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ (АНАЛОГОВОЕ И ЦИФРОВОЕ МЫШЛЕНИЕ) (Заказная редакционная статья)

*Счастливы будут те, кто услышит слова
мертвых, ведь они будут читать хорошие
произведения и следовать тому, что
наказывали их предки...*

Леонардо да Винчи

В момент Большого взрыва, предполагаемого наукой, возникло время. Как утверждается, оно сначала было дискретным, по-нашему, цифровым: интервал существования — промежуток отсутствия, и т.д. Чередование прекратилось, едва время, набрав силу, вышло на уровень непрерывности, протянув до наших дней аналоговую ось четвертого измерения. Не думаю, что человечество могло бы существовать в условиях дискретного времени, если бы развитие Вселенной происходило по цифровому сценарию. Сразу оговорюсь (и прошу прощения) — данная статья создана человеком преимущественно с аналоговым мышлением для себе подобных, поскольку люди иного типа могут не воспринять ее.

Обдумывая эту статью, я не только изучила материалы, присланные в редакцию по вопросу противоречий «бумажной» и «компьютерной» литературы, но и обобщила свой педагогический опыт последних лет, придя к не слишком оптимистическим выводам.

К примеру, письмо Федора Ошевнева из Ростова-на-Дону, продавца книг. Сетует он, что практически не продаваемы нынче не только советские классики, но и зарубежные титаны масштаба Гюго, Бальзака, Золя. Однако, я сама в метро время от времени встречаю совсем молодых девушек и — правда, реже, — парней, погруженных в

«Отца Горио» или «Страницу любви». Недавно ехал подросток лет пятнадцати и запойно читал «Трех мушкетеров». Женщину, под тридцать, «поймала» с Драйзером.

Думаю, дело еще и в том, что такие книги передаются по наследству и давно имеются в библиотеках большинства читающего контингента. У меня целые собрания сочинений этих авторов, естественно, я пройду мимо них в магазине или на ярмарке.

Далее цитирую: *«Летом подходит к моему книжному развалу мама с сыном лет 10—11. И говорит, мол, давай, я тебе какую-то книгу куплю. Сынуля в крик: «Не надо! Не хочу! Не нужна!» Мама: «Нет, купим!» Выбрала какие-то сказки. Протягивает сыну. Тот руки за спину спрятал: «Не хочу!» Мама разозлилась: «Держи, я тебе сказала!» Всунула силком ему, а сама за кошелем полезла. Сынуля же ее обежал и мне книгу чуть не в нос тычет: «На! На! Возьми! Забери! Не нужна она мне!» Ну, я как-то автоматически взял, пацан поскорее в сторону отпрыгнул. «Почему — говорю — не нужна?» А он зверскую рожу скорчил и с рычаньем: «А ее чита-ать надо!» (Ф. Ошевнев, г. Ростов-на-Дону).*

Другая картинка, из собственной практики: веду урок, готовлю к экзамену второкурников политехнического колледжа (я преподаю физику). Вдруг вопрос утомившего студента к старосте группы: — А какой следующий урок?

Ответ: — Общественное!

Раздается стон: — Опять эта ненормальная со своим Гарри Поттером!

Сразу понимаю, — коллега пытается использовать популярную сказку, чтобы удержать внимание учеников. Интересуюсь, — мол, чем же вам бедный Гарри не угодил?

Слышу (заметьте!): — Она нам рассказывала об отношениях людей в обществе и примеры из этой книги приводила! Причем тут книга «фэнтэзи» — и жизнь?

Это ж никак не связано!

У читающего с детства человека формируется сложное причинно-следственное, логическое, абстрактно-ассоциативное мышление, отсюда воображение и способность к творческой деятельности. Вспомним-ка, — во всех книгах действие развивается в определенной последовательности, а если, как в хорошем детективе, есть какая-то загадочная завязка, то в результате она оказывается вполне объяснимой; случается, даже недоумеваешь, — все очевидно, почему сразу в голову не пришло?

Если кто-то изначально пользуется только наглядными видами информационных источников (телевидение, компьютер и т.п.), то у такого индивида будет складываться «сценарное» мышление. Пример: детективный фильм.

Сцена 1: у себя дома мило разговаривают молодые супруги. Целуются, и — сразу сцена 2: в лесу двое неизвестных убивают третьего. Никаких рассуждений в промежутке, ни одного связующего звена. Только пото-о-ом высвечивается некая связь, и не просмотренных эпизодов, а персонажей и событий. Скажем, — убит был троюродный брат молодого мужа из первой сцены, которого тот ни разу не видел, хоть и знал о его существовании. Эпизод, еще эпизод, и еще, а вместе фильм. Какое мышление формируется? Безассоциативное, конкретно-наглядное, логически-личностное. Особенно, — если на досуге только фильмы, да и те не Тарковский.

В результате:

Студент: — Отпустите меня, мне срочно нужно на радиорынок, не работает плеер.

Преподаватель (в шоке): — Нет. Поедешь после уроков.

Студент: — Вы что, не понимаете, мне НУЖНО на радиорынок!

Преподаватель: — Закончатся уроки, езжай, куда хочешь. Твоя обязанность — прежде всего учиться (и т.п.)

Студент (совершенно искренне и не желая обидеть): — Что вы такой тупой-то?

Как вы не можете понять — МНЕ НУЖНО на радиорынок! Я ж завтра приду! Я каждый день хожу в колледж! Не прогуливаю!

Имейте в виду: в его глазах эти доводы *абсолютно логичны и неотразимы*.

Подобные диалоги довольно часты, разговор идет вовсе не на разных языках, гораздо хуже — между жителями далеких друг от друга миров. Естественно, каждый отстаивает и считает наиболее правильным собственный уровень мышления.

В Интернете встречаются мнения обеих сторон, причем нечитающая молодежь выдвигает довольно шаткий аргумент в свою пользу — по смыслу (так как четкие формулировки даются им с трудом) он сводится к тому, что новое поколение автоматически прогрессивно, а предыдущие, соответственно, отсталые, следовательно, цифровое мышление лучше аналогового. Несмотря на софистику подобного вывода, он, кстати, делается по зачаточным принципам аналогичности, как ни крути.

Общеизвестно, что в истории человечества случались периоды взлета и упадка той или иной культуры, когда молодость несла регресс и деградацию в сравнении с уходящими поколениями. Любимые поговорки моих учеников на протяжении ближайших двадцати с гаком лет: «Мне что, больше всех надо?» и еще «А почему — я?». Это ли не явный признак регресса? Молодежи по определению ДОЛЖНО БЫТЬ «больше всех надо», только тогда цивилизация идет вперед.

Вернемся к дискуссионным материалам. Посмотрим, что говорят их авторы:

«...чтобы книга написалась, над ней надо много работать — думать, изучать, искать, планировать, отрабатывать текст, не забывая в то же время родной язык... Не мешает электронная книга бумажной... На дисках можно не только читать книгу, но и слушать...» (Ирина Кедрова, г. Москва).

Бесспорно. От прогресса не уйти, кроме того, цифровые записи более долговечны, что немаловажно.

«...Публикации в Интернете сеют иллюзии, что творчество доступно всем. При таком подходе мы можем оказаться перед угрозой утраты подлинной культуры, прийти к интеллектуальной, духовной опустошенности...» (Людмила Авдеева, г. Москва).

Не совсем согласна. Иллюзия,— как посеялась, так и рассеется, если она не подтверждена талантом и знанием. Дело не в носителе информации, а в ее содержании.

«Любое произведение, написанное гением, на каком бы носителе оно не создавалось,— останется гениальным. И, наоборот,— если «писатель» посредственный, как бы он не подгонял себя к классически-традиционному письму (хоть обложись гусиными перьями, чернильницами и облачись во фрак времен Пушкина) — гениального не создаст» (Олеся Янгол, г. Юрмала, Латвия).

На мой взгляд, несомненно.

Кстати, одно из важнейших условий сотворения хорошего текста точно и образно очертил в стихотворной форме поэт Владимир Корнилов из г. Братска:

*«Постигая секреты бессмертия песен,—
Набиваю мозоли на ладонях стихов».*

Отсюда, обвинить в гедонизме (о чем также говорилось в статье нашего уважаемого главного редактора) нынешнего трудолюбивого и ответственного автора я не рискнула бы даже при изменившихся технических возможностях нашего времени. Голова все равно должна работать по полной программе. Без нее не напишешь.

При этом безызвестно, что *«...в нынешнее время трудно, даже весьма талантливому автору, попасть со своими произведениями в издательские планы. Поскольку большинство издателей, как это ни парадоксально, отдают предпочтение не собственно качественной художественной литературе (о научной и познавательно-просветительской у меня нет данных), а скорее — «выгодным» креативным именам*

в литературе. (Об идеологических предпочтениях издателей не говорим, поскольку это отдельная тема.) (Ирина Мадрига, г. Свалява, Украина).

По поводу идеологических предпочтений могу заметить — нет у наших издателей, в большинстве их, никакой сколько-нибудь выраженной идеологии. Как и множество однодневных СМИ, публикуют только жареное, гламурное или кровавое, могут — пустую и бездумную развлекашку. Почему-то им в головы (по поводу той же выгоды) даже не является мысль о том, что это надоело давно, и есть немало желающих найти и приобрести современную неглупую, грамотно написанную книгу. Спасибо, хоть классиков печатают еще.

«Чем отличается процесс создания текста за компьютером от такого же процесса старыми, «дедовскими» способами? Не скоростью только. Это маловажное отличие. Отличается искушением собственного впечатления о тексте, высветившемся на экране, как уже готовом, завершённом... Против этого искушения устоять трудно. Не устоишь, текст получается легковесным, слабым, как недоношенный ребенок. Опытный текстолог без труда догадается, каким способом письма пользовался автор...» (Рудольф Артамонов, г. Москва).

Явное преувеличение. Если автор не владеет словом, несущественно, строчит он на компьютере или на бумаге. Итог известен.

«Интересно, уважаемый Алексей Афанасьевич текст «Циркулярного письма» набирал на компьютере или сначала писал пером на бумаге?»

Почему же уважаемый Рудольф Георгиевич не догадался об этом «без труда»? Или под «опытным текстологом» он подразумевал не себя?

Кстати, лично я пишу преимущественно на компьютере, особенно прозу, более того, у меня, на мой взгляд, «вручную» хуже и тяжелее получается. Авторучка, что ли, не вдохновляет... Гусиным пером, правда, не пробовала, кто знает?..

Речь, однако, не об этом. Бессмысленно пытаться остановить технический прогресс, человечество всерьез не пересядет с космического корабля и реактивного самолета опять на «лошадку мохноногую» и не откажется от компьютера ради чернильницы, но предотвратить дальнейшую «оцифровку» человеческого мышления можно и необходимо. Возникает вопрос — зачем? А если как раз в этом и есть «великая сермяжная правда»? Обидно чувствовать себя отживающим элементом, но следует ли сохранять старое в ущерб *любой* новизне?

Прежде чем попробовать ответить на эти вопросы, я задам еще один. Какой предмет сейчас наиболее нелюбим в общеобразовательном процессе?

Литература.

Это я вам, как преподаватель, говорю.

Ученик, в отвлеченном разговоре, может согласиться, что нужна математика, нужны естественные науки и, пожалуй, родной язык — чтобы грамотно составить заявление в суд или на работу, со скрипом и неохотно признает (относительную!) нужность истории и географии, но никак не хочет добровольно признать необходимость литературы.

В чем же дело?

В ассоциативном мышлении, точнее, в его планомерном разрушении при увлечении телевидением и компьютером.

Вспомним эпизод с дубом в романе Л. Н. Толстого «Война и мир».

Ассоциация 1: *«...он старым, сердитым и презрительным уродом стоял между улыбающимися березами. Только он один не хотел подчиняться обаянию весны...»*

В состоянии депрессии, как мы теперь называем подобное настроение, князь Андрей воплотил в нем собственные разочарование, горечь, чувство вины перед покойной женой.

Ассоциация 2: «...*Старый дуб, весь преображенный, раскинувшись шатром сочной, темной зелени, млел, чуть колыхаясь в лучах вечернего солнца...*».

При ином расположении духа и дуб в глазах человека преобразился. «*Нет, жизнь не кончена в тридцать один год...*» — в результате решает князь Андрей.

Что произойдет в случае утраты человечеством способности к ассоциативному мышлению? Компьютерные дети, если мне будет позволено такое сравнение, уже сейчас проявляют этот недостаток мыслительной деятельности и, очевидно, по этой причине плохо воспринимают наиболее яркие произведения литературы и искусства, в основе которых лежит именно ассоциативное восприятие мира.

Все искусство построено на ассоциациях. Таким образом, переходя на цифровой вариант интеллекта, люди практически теряют потребность в искусстве, кроме самых наглядных и упрощенных его видов — рекламы, песенок и фильмов с элементарным поверхностным смыслом (поскольку глубокие смыслы, безусловно, создаются за счет ассоциаций), картинок, не содержащих ничего большего, чем на них намалевано (*дырки на обоях прикрывать*, — как сказано в нашем известном мультфильме).

Допустим, по словам тех же нынешних студентов и их единомышленников, оно и не нужно, то есть как бы необязательно. Забыты Толстой, Пушкин, Томас Манн, Рабле, Сервантес, Левитан и Сислей, Моцарт и Бетховен. До примитивизма упростился язык — глаголы да существительные, как представлял себе будущее Уэллс. В одном он ошибся, — при этом условии мысли тоже станут короткими и насущными. Следовательно, исчезнет восторг перед прекрасным закатом, могучим водопадом, нежным цветком. Звездное небо и утренний туман будут интересны только с метеорологической точки зрения. Дальше — эмоциональная холодность, равнодушные друг к другу, тем более к природе. Число подобных индивидов и сейчас заметно увеличилось.

Уже неуютно, не так ли?

Однако это не все. Наука, не только теоретическая, но и практическая, экспериментальная, зиждется, прежде всего, на ассоциативном мышлении. Она начнет погибать следом за искусством, причем почти параллельно ему, и ненадолго переживет его. Итог очевиден: при таком развитии событий цивилизации конец.

Цифровая техника имеет свои преимущества, но человек намного сложнее, — как бы ни пытались внушить нам упрощенное, примитивизированное представление о нас некоторые ультрасовременные философы, вещающие в малоразборчивых СМИ. Однако если даже представить мозг в виде суперкомпьютера, то и при этом он, несомненно, содержит аналоговые и цифровые связи, с преобладанием первых.

Заметим, — дискретность мышления давала себя знать при начальных этапах развития нашей цивилизации. Доказательство — существование космогонических теорий плоской Земли, по принципу «мой мир есть то, что я могу наблюдать непосредственно». Затем, при некотором напряжении развивающегося интеллекта, модель Вселенной Птолемея, далее — Коперника, и т.п. Человечество долгое время постепенно двигалось в сторону аналогового восприятия мира, но это достижение мы в данный исторический момент стремительно утрачиваем. Наглядность начинает превалировать над мыслью, и одной из причин является отказ от систематического чтения. Как же быть? Главное, — «...*не надо забывать, что тяга к чтению с неба не падает, ее воспитывают в человеке с детства*» (Ефим Гаммер, г. Иерусалим, Израиль).

Помнится, на заре семейной жизни я обитала в коммунальной квартире. Наши соседи были читающими людьми. Однако их способы воспитания дочери часто вызвали улыбку и некоторый шок. К примеру, когда девочка училась в первом классе и упрямилась, не желая в ноябре для прогулки слишком утепляться, мать кричала:

— Сейчас же надевай рейтузы, а то читать заставлю!

Немного погодя родители искренне удивлялись, почему книги не вызывают энтузиазма у ребенка.

Не правда ли, крайне сомнительный способ развития интереса к чему бы то ни было?

В процессе воспитания любви к таким непростым видам интеллектуальной деятельности, как чтение и обучение, основную роль играют два необходимых условия:

1. Пример искреннего интереса самого педагога к данному занятию.
2. Создание атмосферы удовольствия в момент обучения на начальных стадиях.

А если пугать им, то отношение обучаемого будет соответствующим.

Большая работа проделана за последние двадцать два года по отвращению народа от чтения. Помню, некоторые наши известные артисты (не стану уточнять имена, кто смотрел, тот знает) в телепрограммах девяностых годов с презрительными и, сказать по правде, не слишком умными насмешливыми замечаниями, рассказывали, как в школьном возрасте старались выкрутиться и не прочитать «скучный» роман Толстого «Война и мир», другие изучаемые произведения, хвалясь этим, словно подвигом (хотя, скорее всего, в угоду моде кривили душой, ведь когда они учились, требования к знаниям были гораздо серьезнее, нежели теперь). Радиопередачи, где выступали некие профессора филологии, пропагандирующие безграмотность, «лишь бы было понятно, что за слово». Ко многим известным личностям я тогда утратила всяческое уважение. Впрочем, немало нашлось людей, в том числе и не самых молодых, которые впитали эту недостойную агитацию.

Итак, исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы.

1. Носитель информации не является существенным для настоящего читателя. Выбор зависит от возможностей здоровья (некоторые люди не способны долго читать за компьютером в силу элементарной усталости глаз, экран, в отличие от книги, имеет дополнительные факторы вредного воздействия на наши органы зрения), а также от желания самого человека.

2. Важно содержание объекта чтения, причем оно вполне может оказаться достойным в электронном варианте или убогим и примитивным, даже откровенно вредным для психики и воспитания на самой лучшей мелованной бумаге.

3. Способ создания литературного произведения не имеет значения при условии таланта и качественного труда автора. Во времена Ломоносова, затем Пушкина гусиным пером создано более чем достаточное количество халтуры, бездарного вздора и малограмотных доносов в том числе.

4. Не интересоваться чтением, практически полностью заменив его наглядными способами получения информации,— означает утратить существенную часть интеллектуальных возможностей человека, дарованных ему Создателем и природой, а именно сложное ассоциативно-логическое мышление, следовательно, в результате потерять способность к творчеству, как художественному, так и научному.

5. «Оцифрованность» (дискретность) восприятия мира, лишая массы людей глубины и широты мысли, имеет все шансы привести нас к сравнительно быстрому угасанию разума, увеличению агрессивности индивидов и социума и, в конечном счете, гибели цивилизации. Подобные проявления, нечастые прежде, в наш исторический момент наблюдаются в изобилии.

Несмотря на столь неутешительные итоги, повод для оптимизма имеется.

В прошлые века любой социум содержал очень ограниченное количество образованных личностей. Преимущественно среди них, за незначительным процентом самородков типа кулибиных и ломоносовых, рождались таланты в науке и искусстве. Они пронесли имена и открытия через годы и тысячелетия. Народ, неграмотный и

униженный, существовал как бы отдельно, ничего не зная об этом, создавая свое собственное искусство в виде песен, баллад и сказок, дошедших до нас за счет устной памяти, а затем — благодаря энтузиастам-чудакам из образованного сословия, которые искали и записывали фольклор. Вы думаете, при жизни Пушкина о нем было известно крепостным крестьянам или фабричным рабочим, которые являлись абсолютным большинством в России? Да ничего подобного. Не зря Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо» отметил:

*Придет ли времечко
(Приди, приди, желанное!),
Когда народ не Блюхера
И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесет...*

Такое время в нашей истории было, только недолго — всего около семидесяти лет. Именно оттуда, нравится кому-то данный исторический факт или нет, нам известно творчество большинства тех, кто создавал искусство, литературу и науку во все века. Это единственный период, когда народ В МАССЕ своей читал, получал НАСТОЯЩЕЕ образование и резко продвинул вперед всю нашу цивилизацию, открыл новые пути и возможности. Тогда достижения человечества сделались общедоступными.

В прочие времена знание и искусство были достоянием ограниченных групп людей, а при некоторых формациях, к примеру, при феодализме, ими владело катастрофическое меньшинство. Тем не менее знание и искусство сохранились, — следовательно, есть шанс и у нас. Шанс, что лучшее из сказанного и сделанного нами достигнет следующего Золотого века Интеллекта и Здравого Смысла.

Так не будем сетовать на компьютеры, подождем Вечного Вдумчивого Читателя, какой бы информационный носитель он ни выбрал.

Главное, — не переставать для него трудиться.

НАД ПЛАВОЙ-РЕКОЙ

Новые поэтические книги Ирины Пархоменко

Словно искупался в утренних, еще под тонкой кисеей тумана, чистых водах реки и окунулся в красоту окрестных просторов,— а прочитал всего две книжки стихов, небольшие, но насколько емкие по содержанию, по смыслам, наполняющим их! Ирину Пархоменко читателям «Приокских зорь» представлять не нужно. Она член редколлегии журнала, одна из постоянных его авторов.

Подобно дереву, устремляющему ветви к небу и берущему силу у земли, поэзия Ирины Пархоменко наполняется смыслами и энергией родных ей мест, говоря ее же словами, «чтоб ветры испытаний не свалили...» (1, с. 6). Из малой родины — села Лубяны, где «ближе к Богу, сердце расцветает» (1, с. 37), из родного, милого душе Плавска растет любовь и ко всей России.

*...Мой край ненаглядный, Россия, Россия!
Мне в жизни не встретить
любимей, красивей... (1, с. 102)*

*...Не нужна никакая другая —
Только Родиной буду дышать! (1, с. 103)*

И подобно природе, весной, после осеннего умирания и зимней спячки, воскресающей, возродится во всем величии и красоте наша страна — верит поэтесса. «Узор Вселенной... не разгадать» (1, с. 52), но Россия нужна Вечности, которой лишь и «подвластна тайна мироздания». Однако Ирина Пархоменко понимает, что многое зависит еще и от каждого из нас, ведь «грехами опутаны, замшелы сердца, Бога не слышат» (2, с. 78); она понимает, что гордыня, тоска, уныние мешают счастью, что нужно уметь прощать и друга и врага, забыть про зависть, что победить может только любовь. Своим пониманием и опытом она делится с читателями:

*Теплом души старайся поделиться,
На свет любви потянутся сердца —
Два правила счастливой жизни (2, с. 79)*

Но одной любви, без качеств человеческой личности, мало. Действенная любовь может исходить только от сильного и культурного человека. Вот почему лирический герой поэтессы, кроме любви и веры, обладает еще смелостью и мужественностью — «Уж лучше рана до кости, чем тыща шишек...» (1, с. 8),— несгибаемостью — «...Не сдамся! И буду светить!» (1, с. 54),— надеждой и оптимизмом:

*...Знай, что пурпур и золото кленов не вечно,
Не вечен метелей остужающий свист.
Средь зимы
я, весны предвкушающий встречу,
Расстилаю свой день, как еще один лист.*

*Чистый-чистый,
загадочный девственно-белый,
Где могу написать, как сорвав якоря,
Раздвигая подлунного мира пределы,
В даль стремлюсь,
где восходит надежды заря... (1, с. 39)*

Способный «пылать, как костер, сиять, как звезда, быть нежным и сильным» (2, с. 96) одновременно,— такой человек симпатичен Ирине Пархоменко. Наверное, потому что она сама такова.

Большое место в поэзии автора сборников занимает любовная лирика. Поэтессе нравится писать о любви и делает она это хорошо. Ее лирическая героиня искренна и непосредственна, неэгоистична, как многие, скорее самовлюбленные, барышни, наоборот, ее любовь действительна для любимого:

*...Ветром в судьбе твоей буду:
Наполню крылья и парус,
Наполню любовью сердце,
Надежду тебе подарю. (1, с. 27)*

*...И пусть слова любви потоком льются...
И воскресает бедная душа... (2, с. 140)*

Любовь — это целая гамма чувств, от восхищения до горечи, от надежды до потери. Ирина Пархоменко очень образно передает «осеннюю любовь» своей героини, сравнивая ее с «угасающими кострами рябин», с тающим «эхом слов» и, в то же время,— «яблока медовые лампы» и счастье. Дилемма же разрешается поэтессой так:

*...Два взгляда на осеннюю любовь:
Но горечь пересилит или сладость?
Одно известно: это — радость!
Ей уступи. Любви не прекословь! (1, с. 42)*

Только сильный человек способен по-настоящему любить, считает автор, а испытанием может быть и одиночество.

*...Одиночество — роскошь особая,
Что доступна не всем на земле.
Одиноким быть хочешь? Попробуй-ка!
Только сильным подвластно сие... (1, с. 48)*

В любви, как и в жизни вообще, пишет поэтесса, нужно «путь тернистый» пройти, не погасив при этом «свет души», сохранив «его сокровенным» (1, с. 122), чтобы продолжали «нежно звучать струны». «Любовью живем»,— утверждает она. И памятью о ней, добавляем мы.

А в завершение этой темы приведем строки, поистине являющиеся молитвой о любимых:

*...Пусть совершая свой круг вековечный,
Наших любимых злой рок пощадит... (1, с. 11)*

На страницах книги «Маски» (1) лирическая героиня, Прекрасная Дама, встречается со своим Менестрелем, и тот поет ей свои стихи-песни, написанные, естественно, от лица мужчины. Перевоплощение дается поэтессе легко, что еще раз подчеркивает ее талантливость.

*Мы друг другу подходим на диво,
Я к тебе всей душою стремлюсь.
Хоть застенчива ты и стыдлива,
Нежной кожи с восторгом коснусь...*

*...Я разлуки печаль позабуду
В обжигающих ласках любви.
Нам даровано счастье, как чудо.
О, приди, миг свиданья, приди! (1, с. 80)*

С каждой строчкой читатель убеждается в мастерском владении словом и художественном богатстве поэтического языка Ирины Пархоменко. Это проявляется и в пейзажной лирике поэтессы. Как своеобразно и неповторимо сказано об осени:

*...Серые былки иссохшей травы
К редкому скудному тянутся свету... (1, с. 9)*

Тема осени вообще очень значима для автора. Просто вчитайтесь — «алый вальс кленовых листьев», «блеклая синь», «звон паутинки на ветру», «испуганный разговор осинки», «теньканье первых синиц» (1, с. 65), «липа в сиянии желтеньких звезд» (1, с. 9).

*...Не верю, не верю, что лето вернулось,
Оно лишь пригрезится,
так же как юность...
И в травах увядших гнедой кобылицей
В туман окунется и там растворится...(1, с. 12)*

Сборник «Лепестки сакуры» (2), по словам Ирины Пархоменко, носит такое название не случайно — в нем стихи, написанные в духе японской поэзии.

*...Осени горечь
Запаху моря сродни.
Лодочки листьев
В лужах, как в море, плывут,
Звезд дробя отраженья... (2, с. 33)*

*...Осеннюю песнь
Дождь, рыдая, выводит.*

*Тут не до блюза:
Листва пожелтевшая —
Землю, увы, не греет... (2, с. 57)*

*...Ночью весенней
Ветер качает нежно
Луны лепесток... (2, с. 68)*

*...Цветов аромат
Роса растворила вновь.
Ветер цветами пропах... (2, с. 70)*

Стихи и одного, и другого сборника, несмотря на непохожесть, на разный поэтический стиль,— стихи одного поэта — Ирины Пархоменко. Поэтому мы практически не разделяли эти сборники и цитировали из них обоих по всем затронутым темам творчества поэтессы, творчества многопланового и многогранного, побуждающего читателя вновь и вновь возвращаться к нему, получая истинное удовольствие, душевную легкость и теплоту от чтения.

1. *Пархоменко Ирина*. Маски. Стихи — Изд-во ОАО «Щекинская типография», 2012.— 128 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

2. *Пархоменко Ирина*. Лепестки сакуры. Стихи — Изд-во ОАО «Щекинская типография», 2012.— 168 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

Виктор Богуславский, Тула

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ А. А. ЯШИНА «ВИДЕНИЕ НА ПАТМОСЕ»

Как бы стремительно не рвалось вперед Время, островки пройденного и пережитого по-прежнему настолько ярко и образно присутствуют в нашей быстротекущей и легкозабывчивой жизни, что ступая на их берега, словно попадаешь в параллельные миры своего разума, где прошлое живо, актуально и реально.

Самое главное — не пройти мимо, не посмотреть этот островок...

Таким Посланием, таким оазисом памяти по воле и удивительной избирательности судьбы стала для меня встреча с романом-предвидением Алексея Яшина «Видение на Патмосе».

И название, и маститое имя автора, и то, что предваряют роман строки моего Учителя — Леонида Васильевича Ханбекова, известного литературоведа и критика, заслуженно уважаемого за свою честность и непримиримость к литературной бездарности и плагиату, послужили для меня позывными маячками для того, чтобы я с нетерпением открыла эту книгу...

А открыв, с удовольствием погрузилась в фантасмагорию ее текста.

(Притянул меня, несомненно, и тот факт, что написан был роман о хорошо известных мне и словно проросших в организм «коммунхозовских временах», закостеневших, казалось, навеки отлитых, как бронзовые бюсты почетного маразматирующего орденоносца.)

А по прочтению романа запульсировало: «В каких высших сферах и кем было задумано именно этому литератору, молодому студенту Литературного института, приоткрыть завесу будущего во сне и какими параллельными мирами стремительно двигалось отключенное от примитивного обычного бодрствования, не затуманенное посторонними помехами суестьющегося дня, подсознание автора?»

Как разгадать увидевшему этот диковинный сон символы грядущих событий в нем? Головоломка...

Приснившееся не отпускало. Сон этот не пополнил массу забытых, канувших в небытие, стертых первыми лучами рассвета снов.

Совсем наоборот! Он повел себя весьма необычно и непредсказуемо, словно являлся сгустком чего-то разумного, пришедшего не на миг.

Сон материализовался на сцене бытия до мельчайших черточек сформированным художественным произведением, с изобретательными сюжетом, фабулой и композицией! Его мистерия притягивала к себе, словно требуя рассказать о своем рождении и ожидая облачения в печатную форму.

Но вот этого автор сделать-то как раз и не мог. О своем «вещем» сне он не рассказал даже руководителю семинара в Литинституте — поди пойми, что скрывается в этой причудливой игре подсознания и разума. Толкование снов — весьма опасное занятие и сложное искусство, неведомые символы наших снов зашифрованы, разгадка их никогда не будет лежать на поверхности, раскрывая лепестки своей сути только по прошествии времени.

Так и наш автор, Алексей Яшин, нашел разгадку увиденного во сне только через десять лет, увидя воочию, как шайка правительственных бесов разрушила великую сверхдержаву — СССР.

Но достаточно предисловия... Откроем дверь в творческое пространство романа, отметившись в его Канцелярии, которая «...как овеществление бюрократизма, одновременно отвратительна и восхитительна. В ней сон и поэзия, деспотическая субординация и самый привольный отдых от счастливой жизни. Трудно полюбить ее с налета. Следует не одну пару суконных штанов просидеть. Не один стул под тобой

рассохнется, прежде чем как-то пополудни, после обеда, нахлынет на душу тепло и поймешь: вот Мекка моей жизни, вот мой истинный дом!»

Там-то и произошло все это необъяснимое с Николаем Даниловичем М. — 25 лет прослужившим в Канцелярии, суть от сути своей ею рожденным и вылепленным по планово-отчетному образу канцелярским человечком.

И предчувствовал он своим, настроенным на все происходящее в недрах этого бюрократического святилища нутром что-то из ряда вон выходящее в день своего стулосиденческого юбилея: «Интересно, ничего со мной не случится? Необычного?».

А вот и случилось! (А затем и со всем человеческим содержимым упомянутого учреждения.) Прирос он своим сидалищем к стулу, а локтями к столешнице, и остался навечно именно в той позе, в которой и привык находиться на протяжении стольких рабочих лет.

И тут, отсидев так долгие месяцы, стал чувствовать в себе не только закономерные физические, но и непривычные, пугающие своей непонятностью, душевные преобразования.

Подхожу я все ближе к снам нашего героя и, соответственно, самого автора, которого Л. В. Ханбеков назвал «тульский энциклопедист». Не зря, друзья, не зря получил автор такое почетное звание! Целую картину ушедшей эпохи, массу признаков и впечатков существования страны, стертой Судьбой навеки с карты мира, развернет Алексей Яшин перед читателем!

И проживем мы вместе с автором и его героями все фантастические, преломляющие привычное и предугадывающие новое сновидения и события, властно ворвавшиеся в отлаженный и регламентированный мирок...

Но если автор и его произведение интересно, если прочитанное будоражит мозг и заставляет его напряженно трудиться, то, естественно, не могут не родиться вопросы к автору! И они у меня есть...

Почему маленький человек, такой вот «коммунохозовский» Акакий Акакиевич несколько расплылся на страницах романа, уступая гоголевскому герою? Да потому, что его образ пестуется автором на протяжении 400 страниц текста, в котором замечаются неоднократные самоповторы и перегруженность отвлекающими натуралистическими деталями. И этого, очевидно, оказалось слишком много для подлинно остро-сатирического, гротескового произведения.

Язык героя, стилистически имеющий массу казенных оборотов, составляет необходимую часть его образа, но когда эти жаргонизмы неоправданно переходят и в авторскую речь, то значительно обедняют ее.

Художественное оформление книги оригинально — наклейки, иллюстрации и плакаты с лозунгами оживляют и откровенно веселят, но некоторые из них не соответствуют времени, раскрываемому на страницах романа, например плакаты о целине, Красной армии, крестьянах, Сталине... А некоторые и вовсе вызывают недоумение: «фашизм — злейший враг женщин».

Но все сказанное — лишь шлифующие детали, роман уже живет своей насыщенной яркой жизнью. Он, безусловно, заинтересует внимательного и вдумчивого читателя, зашедшего в его феерическое Пространство!

Нина Попова, Москва

